

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ» В РУССКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сформулировано пять этапов, необходимых для комплексного исследования феномена «русская власть»: 1. Концептуальный анализ понятия «власть» в энциклопедических изданиях, текстах русской классической литературы и современной публицистики и социальных сетях. 2. Анализ состояния современной русской философии власти. 3. Изучение проявлений власти в ясных, опредмеченных формах. 4. Исследование мифообразования, анализ лжемифов. 5. Определение базовых символов и знаков русской власти.

Ключевые слова: русское цивилизационное пространство; философия власти; эпистемология; семантический анализ; дискурсивный анализ.

XXI в. демонстрирует диффузию академического дискурса о бытийствовании цивилизаций с практической сферой международной политики. Так, не секрет, что представление о столкновении цивилизаций, как норме их существования, столь блестяще резюмированное С. Хантингтоном [1. С. 24–27; 32–45; 515–532], явилось предтечей жесточайшего прессинга США и их союзников по Западному миру в отношении иных форм цивилизационного существования человеческих коллективов, а тезисы З. Бжезинского [2. С. 41–64] выступали как предметные планы тактического воплощения концептуализации С. Хантингтона. С точки зрения строгого академического скептицизма трудно утверждать, что, *безусловно*, текст С. Хантингтона явился причиной столкновения цивилизаций в XXI в., а не, скажем, лишь следствием то угасающей, то усиливающейся тенденции Запада к цивилизационному доминированию над ключевым регионом земного шара. Но факт тесного переплетения его вполне академического текста с конкретными политическими шагами лидеров ключевых западных стран – вещь очевидная и не требующая развернутых доказательств. То же можно отнести к работе П. Бьюкенена, которая покоится на вполне уверенно прописанном принципе борьбы и столкновений цивилизаций в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби. При этом высказанные американским автором пункты угроз, например мексиканской реконкисты в США [3. С. 173–205], явились ключевым моментом в избирательной программе нынешнего президента Д. Трампа. Некоторые концепции, правда, не проходили проверку временем и сливались с политической сферой лишь временно, так на определенном этапе (первая половина 90-х гг. XX в.), международная политика была принципиально единодушна с концепцией Ф. Фукуямы о конце развития цивилизаций [4. С. 503–505], позднее отвергнутой ради жестких тезисов вышеуказанных авторов из американского политического истеблишмента.

Практическая реализация таких глобальных международных проектов, как ШОС, БРИКС, ЕАЭС, инициированных Российской Федерацией и поддержанных целым спектром стран, находящихся далеко за пределами русской цивилизации, демонстрирует эксплуатацию в международной политике фундаментально иных принципов, нежели *столкновение* и *кон-*

фликты. Анализируя программные документы внешней политики Российской Федерации, можно зафиксировать проникновение в их юридические формулы академического дискурса Н.Я. Данилевского [5. С. 485–486] и его интеллектуальных преемников [6. С. 130–161], которые утверждали принцип *сосуществования* или *взаимодействия* цивилизаций [7. С. 5, 7, 20–21, 27–34].

Все это накладывает особый отпечаток на академические дискурсы, посвященные вопросам существования и развития цивилизаций. А учитывая колоссальный рывок Российской Федерации именно в сфере международного сотрудничества и ее целенаправленные попытки сформировать *принцип взаимодействия цивилизаций* как платформу для практического диалога между отдельными странами и культурами, следует признать проблему русского цивилизационного пространства одной из наиглавнейших в современной социальной философии.

Исходя из практической актуальности, наиглавнейшей задачей автора является фиксация теоретической актуальности изучения феномена власти именно в русском цивилизационном пространстве, которая многими исследователями ставится под сомнение. Второй по значимости задачей является постулирование перспективности конкретных методологических линий в исследовании феномена русской власти на основе уже имеющихся достижений в российской и западной философии с неизбежным для такого рода работы оттенком рецензирования ключевых для темы текстов. Последнее совершенно необходимо, ибо анализ методологических находок, успехов или ошибок более титулованных и авторитетных, нежели автор статьи, коллег позволит избежать излишних aberrаций и придаст выдвигаемым постулатам и гипотезам определенную методологическую устойчивость, если не преемственность.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет именно о *цивилизационном пространстве* с сопутствующими, характерными для этой категории атрибутами, а не об абстрактной дефиниции – «цивилизация». В отличие от последней *цивилизационное пространство* – это область конкретных, эмпирически фиксируемых физических объектов, которые находятся в ситуации синергии, когерентности и каузальности. Эта предметная, фиксируемая органами

чувств совокупность может быть подвергнута эмпирическим методам исследования (наблюдению описанию, измерению и сравнению). Лишь эксперимент в строгом, сугубо научном понимании этого слова не может быть применен к описываемой реальности, но такие его модификации: как лингвистический, социологический, психологический или политологический эксперимент являются вполне приемлемыми и даже необходимыми операциями для постижения цивилизационного пространства.

Возвращаясь к теме статьи, обозначим важные с методологической точки зрения вопросы: «Есть ли географическая определенность в понятии “русское цивилизационное пространство”? Или речь идет о носителях определенного типа мировоззрения, вне зависимости от географии? Или это пространство конкретного, в данном случае, русского государства?». Приемлемым кажется *определение русского цивилизационного пространства* как *международного, межгосударственного и межконтинентального сообщества, объединённого причастностью к России и приверженностью к русскому языку и культуре, выражающееся в культурно-исторической деятельности, имеющей конкретное, материальное воплощение*. При этом формы причастности достаточно пластичны и коренятся не в формальных признаках: наличие гражданства (паспорт), поддержке политического режима (физический акт голосования), антропологически выверенного канона (форма лица, цвет глаз и т.д.), а скорее, в ощущениях родственности и в чувстве любви. В этом смысле крымский татарин, ощущающий родство с Россией, оставаясь крымским татаринном, представителем одного из тюркских этносов, может быть определен и как актер русского цивилизационного пространства. Хороший тому пример – мироощущение Исмаила Гаспринского, выраженное им в его статьях, политической деятельности и культурно-просветительских усилиях. В предметном плане это может выражаться также в определенном наборе символов, стереотипов поведения и, наконец, в языке. Мощным фактором фиксации наличности русского цивилизационного пространства в современном мире являются социальные сети, позволяющие предельно четко и предметно фиксировать его наличие, структуру и своеобразие.

Вторым исследовательским постулатом является точка зрения, что наиболее основательно, предметно и физически выверено спектр этих идей, ощущений, представлений, восприятий и т.п. выражается в коммуникативно-социальном поле власти, которое во многом служит в качестве ясного идентификатора принадлежности того или иного субъекта, той или иной идеи, того или иного символа к определённому цивилизационному дискурсу. Именно власть в силу хорошо известного свойства специфической консолидации и дисциплинарности [8. С. 246–249], а также благодаря мощной способности к усилению коммуникативности [9. С. 11–34] является фактором, объединяющим разнообразные культуры, нации, страны, этносы в единую цивилизацию. И речь идет не об общей вертикали властных отношений, а о приемлемом для носителей цивилизации властном дискурсе, вы-

ражающемся в политическом обустройстве, юридически зафиксированных принципах правоотношений, архитектурном прославлении конкретного восприятия власти, создании базовых, хорошо известных населению мифов о власти, формам военной муштры, конкретных систем наказания и т.п. Таким образом, сфера распространения дискурса власти, присущей конкретной цивилизации, является удобным маркером определения границ и структуры того или иного цивилизационного пространства.

Очень ярко два вышеприведенных постулата в их симбиотическом единстве проявляются в языке. Так, например, существует колоссальная разница между русским «власть» и английскими словами «power» или «authority». В первом случае это обладание, абсолютная воля, распространенная на строго определенное пространство. Этимологически понятие восходит к термину «волесть». Последнее не просто предметно выраженный надел, «кусочек земли» с зафиксированными границами в физическом пространстве, а определенные полномочия, статусность, авторитетность обладателя этого «куска земли» и т.д. В случае с английским языком речь идет для «power» о мощности, степени, силе, энергии, способности, могуществе. А для «authority» ключевыми являются полномочие, авторитет, основание, влияние, начальство. Существуют «military power» (военная власть), «temporal power» (светская власть), но при этом власть берут всегда определенные личности, конкретные индивиды: «to assume authority». «Home rule» (местная власть), в нашем понимании, лишь управление, лишённое мощи и обладающих могуществом личностей. В принципиально ином языке, но входящем в поле западной цивилизации, в испанском, глагол «poder» (власть) восходит к «posere» из вульгарной латыни, где он обозначает возможность чего бы то ни было, а это роднит его с английским вариантом власти и свидетельствует о единстве цивилизации (несмотря на разные группы языков: германскую и романскую). По сути, испанцы осваивают власть как «la facultad, habilidad, autorización para llevar a cabo una determinada acción» (способность, навык, разрешение на проведение данной деятельности) [10]. При этом, согласно авторитетной «la Real Academia Española (RAE)», такие привычные нам определения власти, как «правительство», «владение чем-то» и т.п., относятся ко второму блоку толкований понятия «Poder» [11]. Уже на данном, достаточно простом примере нетрудно заметить фундаментальную, корневую разницу не просто в употреблении, а в понимании власти носителями *трех* разных языков, принадлежащих к *двум* разным цивилизациям.

Впрочем, недавно появилась довольно обстоятельная статья, в которой авторы, строго сравнив русский и английский варианты определения власти (это очень важно, *определения, а не употребления*), пришли к заключению, что «“власть” и “power” следует рассматривать как две разные вербальные формы одного понятия. Несмотря на определенные различия семантики и этимологии слов, они не обязывают исследователей использовать разные интерпретации «власти»; при этом «лингвистические» аргументы в

пользу той или иной концептуализации не могут считаться решающими [12. С. 36]. Их выводы базируются на обильном лингвистическом материале из авторитетных словарей, цитат из авторитетных академических дискурсов. Но уже в рамках широкого *лингво-социологического эксперимента*, проведенного иными исследователями, обнаружилось довольно существенное различие в ощущениях, восприятиях, пониманиях и их репрезентации власти средствами языка англо-говорящей (американский вариант) и русского-говорящей аудитории [13. С. 144–147], позднее развитой в кандидатской диссертации [14]. Следует согласиться с первой группой исследователей, что академическое понимание власти в принципе способно сформировать единый академический язык, но вот что касается носителей определенной цивилизации, то как на обильном материале продемонстрировала А.А. Шабанова, такое единение идей и образов крайне затруднительно и маловероятно.

В этом смысле ученик Жана Бофре – философ Франсуа Фейде, очень изысканно обыграл высказанные выше трудности языкового понимания реальности власти. Он, не прибегая к социологическим исследованиям, работая исключительно с общеизвестными классическими текстами по философии, истории, юриспруденции, культурной антропологии, суммируя объемный лингвистический материал из древнегреческого языка, латыни, французского, английского и немецкого языков, попытался свести разнообразные формы ощущения-восприятия власти в языках и текстах в единую матрицу. Ф. Фейде начал свой текст с анализа конструкций власти греческого языка эпохи написания Евангелия [15. С. 93], затем перешел к французскому языку Ш. Монтескье [Там же. С. 94–97], а потом опять вернулся к греческим смыслам, но уже эпохи Фукидида и других греческих авторов [Там же. С. 98–103]. В дальнейшем Ф. Фейде уже свободно оперировал французскими и древнегреческими образами, постоянно играя грамматическими формами и словообразованиями [Там же. С. 106–130], иногда, впрочем, обогащая выстроенный дискурс конкретными ссылками на «власть» в немецком и английском языках, не упуская возможности проработать понятие и в классической латыни [Там же. С. 115–117, 130–131]. Он изучал власть в специфических социально-политических и культурных реалиях, как философ, фиксируя, цивилизационно-пространственную границу бытия смысла власти в ландшафтах Эллады, Древнего Рима, современного Западного мира и т.д. и т.п.

Цель Ф. Фейде: объективно вскрыть понятие «власть». Автор не стремится найти универсальную дефиницию власти, он формирует смысловое поле, выраженное в конкретных текстовых артефактах, именно современной западной власти, он укладывает в свою концепцию семантические смальты из греческого языка и отдельные, просеянные концепты из конструкций латыни, французского, английского и немецкого языков. Он не довольствуется словарями, а ищет опыт живого общения носителей языка, из которого заимствует смыслы: дипломатические документы, речи в сенате, ультиматумы военачальников, прямая речь из Библии и т.п. и т.д. Это позволяет ему как

философу сработать оригинальный дискурс-анализ, уйти от сугубо лингвистических методов и сформировать яркую индивидуальную, отчетливо выраженную философскую точку зрения на предмет бытия власти.

Философские эксперименты Ф. Фейде, как опыты его предшественников, не раз и не два подтверждают *невозможность* сформировать абстрактную дефиницию власти средствами формальной логики или бытовавшими до XX в. методами политической философии при условии проверки искомой дефиниции многоаспектным эмпирическим материалом. Так, например, М. Фуко взял за основу своей концепции власти материалы французские, английские, частично немецкие и итальянские [8. С. 456–477; 16. С. 436–446]. Причем материалы преимущественно из позднего Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. В поздних работах он, правда, уже включает массивный блок из американской жизни (либерализм Чикагской школы) [17. С. 273–333], но продолжает оставаться в рамках эмпирии исключительно Западной цивилизации. Продолжая критический дискурс-анализ М. Фуко и творчески его доработав, Тён ван Дейк создает свой классический текст о власти, но основывает его исключительно на материалах англосаксонской публицистики, анализе речей в парламентах европейских стран, высказываниях лидеров отдельных политических партий, англоязычных учебников [18. С. 98–100, 143–147, 180–189], но опять-таки не выходя за пределы Западной цивилизации.

Резюмируя, следует отметить, что работая с понятием «власть» бесперспективно создавать общие концепции на основе чуждого исследователю языка и цивилизации. Проблема власти всегда укоренена в определенной цивилизации и схемы М. Фуко, созданные на западноевропейском материале, неизбежно характеризуют современную западную цивилизацию, но не в состоянии объяснить феномены цивилизации Индостана. Поэтому использование схем постижения власти и выводов, созданных на основе этих схем для постижения иной цивилизации, методологически ничем не оправданно, кроме интеллектуальной моды и вкусом автора.

Иной аспект – дефиниции, связанные с концептом «политика». Для политики оказалось возможным создание интернациональных комплексов причин и следствий. Политические принципы, сформированные Э. Канетти [19. С. 23–157], одинаково работают и в массах Китая, и в массах Германии. Но ведь политика и власть не синонимы? Это-то уж философски точно утвердили десятки текстов и сотни наблюдений! Данный факт, по существу, является аксиомой отечественной философии власти еще со времен Советского Союза [20. С. 3] и до сего никоим образом теоретически не опровержен. Также как не синонимы «толпа» и «общество». Даже в рамках одной цивилизации национальность автора накладывает столь сильный отпечаток на его тексты, что возможно говорить о разнообразных национальных вариантах понимания власти в рамках одного цивилизационного пространства. Например, понимание «власти» в работах Н. Лумана с его массивным социологизаторством проблемы в контексте «генерализованного средства

коммуникации» [9. С. 10] и позиция Б. де Жувенеля, с присущим этому французу приданию власти своеобразной, почти демонической физиономии и какой-то магической способности власти к экспансии в сознание людей [21. С. 176–194].

И хотя отечественная философия в целом положительно относится к изучению феномена власти, история непрерывного осмысления проблемы началась еще в 1989 г. [20]. К настоящему времени опубликованы прекрасные монографии в рамках концептуализации проблемы на основе англоязычного материала [22], фундаментально проработана герменевтика власти [23]. Защищены докторские диссертации [24], предлагаются смелые нововведения [25]. Однако как массовое явление отсутствуют тексты, поднимающие проблему семантики власти не в трудах тех или иных классиков, а в живом разговорном русском языке, проецирующем образы повседневности. А в XXI в. говорить о философии власти вне повседневной семантики власти, вне пределов феноменологического дискурса-анализа представляется несколько архаичным. Нет серьезных, развернутых и опять-таки массовых размышлений о феномене «власть» в русской философии, русской культуре, русской публицистике. Есть небольшой цикл работ, посвященный авторитетному освоению понятия «власть» в русской литературе [26. С. 18–19; 34], но он остается мало востребованным в современных трудах по философии власти. Есть работы профессиональных филологов [28. С. 4], но исследований профессиональных философов нет. В их трудах семантические штудии, столь важные для ясного понимания феномена власти, у российских авторов в построении русского дискурса власти уместаются на одной странице [29. С. 28–29] либо полностью строятся на англоязычном лингвистическом и отчасти французском материале [22. С. 9–58].

Среди немногих авторов, комплексно вскрывающих *особенности власти в русском цивилизационном пространстве*, следует указать И.В. Федяй, М.Ю. Савельеву и С.А. Королеву. Поэтому стоит проанализировать их тексты на предмет выявления методологических находок и неудач.

Текст И.В. Федяй – это единственная работа, целиком и полностью посвященная осмыслению феномена «власть» в русской философии (но само исследование охватывает артефакты мысли из сферы религии, литературы, искусства в попытке объяснить *русское восприятие сакрального и сакральности*, физичности и метафизичности власти [30. С. 12–18]).

В начале своего текста исследовательница предложила твердую методологическую основу: «Власть органично вырабатывается каждой системой, как начало охраняющее и воспроизводящее именно эту, породившую ее систему, как причинно-следственная связь и основа нормального функционирования элементов именно этой системы. Поэтому рассматривать ее абстрактно, по ее формальной основе, вне системных мировоззренческих корней породившей ее структуры, будет не просто утопичным, но и небезопасным» [30. С. 4–5], однако буквально следующей фразой весь пафос восприятия власти как философской категории редуцируется до узкоспециального термина

«Право»: «Чему пример и представляет собой русская правовая философия конца XIX – начала XX в., закончившаяся разрушением той жизненной системы, в которой и сама существовала» [30. С. 5]. Иной характерный пример сведения в единую абстрактную массу очень разных по смыслу властных реалий: «... митрополит Илларион обращается к обсуждению политических проблем, связанных с выяснением происхождения, сущности и употребления власти. Сущность государства – Божественна, так как в своем назначении она реализует Божественную волю. Носитель верховной власти – “причастник” и “наследник” небесного Царства». Происхождение власти – наследственное, а родословие современных князей митрополит Илларион исчисляет, начиная от «старого Игоря» [Там же]. В первой фразе речь идет о сущности и употреблении власти, но потом поясняется, что осмысливается сущность государства, в третьей фразе появляется «Носитель верховной власти», а потом, в завершение фразы, – прыжок в такую институцию, как «Царство Божие». Завершается этот очень важный для первой главы абзац пассажем о персонализации власти в конкретном биологическом роду – Рюриковичей. Такой «миксированный» подход к очевидно сакрализованной власти, диффузии последней с миром формально внешним, запредельным и миром телесным, биологическим нуждается в серьезном осмыслении, как и понятие «государство», которое в тексте автора столь легко подменяет собой реальности власти как некой формы проявления воли божией. Подобных рассогласованностей в монографии множество, особенно они усиливаются при перечислении концепций власти в допетровскую эпоху (при этом оказывается, что речь автор ведет не столько о власти, сколько об органах управления Московским царством) [Там же. С. 7–11].

Автор второго текста о русской власти М.Ю. Савельева не ставит задачу изучения истории развития власти, а формулирует проблему развития самой власти. Речь идет не об истории власти в умах мыслителей, а об истории власти как исторической реальности. При этом изучается лишь один аспект власти – «Русская монархия». Уже в начале исследования М.Ю. Савельева столкнулась с методологической трудностью разделения собственно власти и тех форматов, которые имеют околотоварный характер. «В конкретных научных методологиях не проводится различие между самой властью и её отдельными инструментами или проявлениями; это можно сравнить с работой патологоанатома, который изучает не живое человеческое тело, а отдельные органы. Таким образом, результаты действия конкретного типа власти не являются абсолютными показателями сущности власти как таковой» [31. С. 7]. В основе монархии и главным предметом своей монографии она видит Человека как властвующего существа, определение человека «в пространстве опыта власти» [Там же]. Свою методологию М.Ю. Савельева определяет следующим образом: «Исследование должно двигаться от власти как предмета к сознанию как способу её понимания и интерпретации. Для понимания власти как таковой нужно рассматривать её как опыт созна-

ния или форму сознания, то есть как нечто, обладающее статусом бытия, основания, а не являющееся совокупностью предметных структур» [31. С. 8].

Исследование представляет собой методологически продуманное описание ключевых символов-мифологем, которые демонстрируют особенности восприятия власти, сосредоточенной в единичном человеческом существе – монархе. При этом речь идет именно о русской реальности и о русской специфике, формируется некий континуум смыслов-образов, которые могут быть восприняты только носителем русской культуры. Но при этом автор предпочел показать один четко фиксируемый во времени отрезок бытия сакральной власти в России, но отказался от формирования концепции этого развития, от системной теории возможного развития дальше и вероятных форм прошлого. Также как он отказался говорить о специфике русскости и методах ее освоения, при этом много внимания уделил линейке понятий от «Власти» до «Сакрального» [Там же. С. 5–68].

В текстах С.А. Королева изучение русской власти предстает под очень необычным ракурсом. В основе его штудий лежит монография 1997 г. [32]. С тех пор вышел цикл статей, усиливающий и раскрывающий отдельные идеи и отдельные фрагменты базового текста 1997 г. [32–34]. В своей первой книге автор так и не указывает, что такое власть, но очень подробно описывает, как это нечто, именуемое властью, трансформирует пространство. На пятнадцатой и шестнадцатой странице автор утверждает, что власть – это система реально существующих технологий власти, по отношению к которой и система субъект-объектных отношений, и «модус обладания» являются как бы «вторичными»... технологии власти – это способ самоорганизации человеческого общества, средство выживания социума в условиях, угрожающих человеческому сообществу внешних опасностей, начиная с враждебной окружающей среды и вплоть до угрозы со стороны других человеческих сообществ» [32. С. 16]. На дальнейших страницах идет детальный пересказ идей М. Фуко о дисциплинарности власти и механизмов этого процесса [Там же. С. 16–30]. Но уже на странице 33 автор не выдерживает фукианской модели в ее наиглавнейшей части. Дело в том, что под давлением фактов из русской истории автор вынужден ввести понятие «центр власти», далее он неоднократно эксплуатирует это понятие, описывая динамику русской колонизации [Там же. С. 33].

Данный шаг С.А. Королева рушит всю стройную теорию рассеянности власти М. Фуко и возникновения властности как характера определенных отношений-столкновений. Дальнейший текст автора, по сути, – удачное осмысление специфики русского пространства с позиций государственно-политико-правового *нечто*, которое крайне удалено от собственно власти. В остальных своих текстах С.А. Королев поднимает интереснейший фактографический материал и эксплуатирует идеи М. Вебера или же возвращается к идеи микросоциумов власти фукианского типа с добротной добавкой идей К.Г. Юнга. Но, уже анализируя Домострой, он постоянно сталкивается с

ситуацией, когда эмпирия вырывается за пределы теорий, заставляя автора снова и снова отходить от каноничных текстов, вводя в оборот кентавров, совмещающих фукианство, веберизм и понятия из Э. Тоффлера: «традиционная власть», «высшая власть», «локальная власть» разбавленных обширными цитатами из Домостроя, В.О. Ключевского, М.С. Соловьева и т.п. [33].

Представленный развернутый анализ наиболее интересных концепций, авторы которых на практике пытались сформировать свое понимание власти в русском цивилизационном пространстве, показал, что ни одна попытка использовать классические западные схемы для анализа русской специфики не удалась. *Успехов удавалось достичь лишь при отказе от каких-либо сдерживающих лекал, укорённых в работах классиков Западной философии власти.* Попытки предварять эмпирический материал конкретной методологией, разработанной на эмпирическом материале Западной цивилизации, приводили к посредственному результату. Но тогда, когда автор позволял богатому эмпирическому материалу собственно русской истории являться альфой своего текста, то тогда, отбрасывая в сторону существующие традиции понимания власти, он выходил на интереснейшие обобщения и четкую фиксацию имеющихся властных парадоксов, характерных только для русского цивилизационного пространства.

Ключевая проблема видится в том, что в русской философии слабо проработано понятие «власть». Парадоксально, но факт, в истории русской философии объемное, системное философское осмысление концепта Власть¹ было произведено лишь однажды, причем русским философом-эмигрантом на французском языке в 1942 г. [35]. Как следствие этого, более узкое понятие «русская власть» представляется хилым и малофункциональным термином. Данный объективный факт привел вышеуказанных трех авторов к «размягчению» строгой терминологии, заставил их уклониться от четкого этимологического древа используемых терминов. Это проблема, повторимся, объективная и не имеет касательства к ошибкам того или иного автора. Но проблему надо решать, ведь не осознав того, как мы говорим, сможем ли понять, о чем говорим?

Итак, *первым этапом* должен стать это концептуальный анализ понятия «власть» в русском языке, который, генерируя совокупность смыслов власти, даст эмпирический материал для последующего философского анализа. В плане методологическом – это по необходимости работа со словарями, социальными сетями, современной публицистикой, но не только. Слишком многие откровения и серьезные наработки в понимании власти, причем понимании специфически русском, кроются в русской классической литературе. Или мало написано о власти в «Бесах» Ф.М. Достоевского, или микросоциум власти дан где-то более выпукло, чем в его же «Записках из мертвого дома»? Это огромный и крайне неудовлетворительно проработанный пласт концепций, причем отчасти проработанный филологами, но совершенно не затронутый философами (можно привести определенную линейку

авторов русской литературы, в работах которых феномен русской власти дан необычайно развернуто: Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Б.Л. Пастернак, Е.Л. Шварц, Д.М. Балашов, В.А. Усов).

Во-вторых, для уточнения концептуального анализа первого этапа совершенно необходим анализ истории русской философии. Многие элементы, необходимые для понимания особенностей русской власти, спрятаны в хорошо известных, но уже примелькавшихся классических философских текстах. Так, например, автор, сделав запрос в известной системе РИНЦ по терминам «Власть Соловьев», получил ответ, что из имеющихся 25 509 927 текстов указанные термины упоминаются в 29 текстах. Именно термины, не словосочетания, а термины в названиях, ключевых словах, аннотациях. В монографиях, статьях, тезисах и т.п. При этом собственно теме поиска посвящены лишь три статьи. Три статьи из 25 миллионов! При этом запрос «Вл. Соловьев» дал результат в 243 статьи. Неужели В.С. Соловьев ничего не говорил о власти и ему было нечего сказать? Неужели «Краткая повесть об Антихристе» ничего не говорит о своеобразном русском понимании власти? Неужели проблема обладания нравственностью далека от феномена обладания, как стержня русской этимологии власти? А наблюдения В.С. Соловьева о процессе обожествления правителя (кесаря) как предвещения богочеловека, при этом кесарь сравнивается с обезьяной [36. С. 64]? Таким образом, вопрос проработки классических философских текстов это необходимый и определяющий этап для последующего феноменологического дискурс-анализа проблемы.

В качестве возможной и оригинальной пролонгации второго этапа представляется возможным осуществить анализ *восприятия смыслов власти* русскими философами, начиная с 1991 г. Речь идет не о знаковых оригинальных авторских концепциях, о схемах восприятия власти, которые философия внедряет в акторов русского цивилизационного пространства. Худо-бедно курс философии, так или иначе, слушают все студенты со всех специальностей, но сколько из них читали сборник «Вехи», или «Царство духа и царство кесаря» Н.А. Бердяева? Уверен, что цифры не сопоставимы. А ведь наиважнейшим является именно *восприятие власти*, которое формирует философия. Формирует ее все-таки тотальная масса современных преподавателей философии (по неполным данным Русского философского общества, это около 4 тысяч человек [37. С. 165]), а не отдельные шедевральные образцы классиков русской философской мысли. Поэтому важно понять, как осваивается власть этими самыми тысячами философов, что они осознают под данным термином, где его границы и т.д.

Для этой цели предлагается использовать метод статистических закономерностей определенных концептов. Речь идет о *квантировании* русских философских текстов о власти. Квантирование – это система цифрового отображения определенных закономерностей в той или иной области. В классическом виде он подразумевает *контент-анализ* в качестве статистической закономерности, частотности употребления определенных концептов в текстах русской филосо-

фии, а также *инвент-анализ* в формате отношений русских философов к определенному циклу событий. Однако квантирование в своей совокупности методов гораздо шире контент- или инвент-анализа. Так, применительно к истории создаются специфические системы математического анализа: квантитативная история, клиометрия, клиометрика [38, 39]. Автором данной статьи созданы методы математического анализа для таких узких гуманитарных областей, как историография и философия управления [40, 41]. Последние предполагается сделать основой для квантированного анализа понятия «власть» в русском философском тексте. Эмпирической базой должны стать те миллионы текстов, которые сгруппированы в крупнейших информационных базах: РИНЦ, Киберленинка, Банк диссертаций – disserCat, Электронная библиотека РГБ. Анализ позволит выявить наиболее востребованные сюжеты в изучении власти и русской цивилизации, даст возможность построить объективную картину изучения современной русской философией феномена «власть». При этом полученная картина призвана носить объективный характер, ибо она будет опираться на реальность всех опубликованных текстов по тематике, а не на субъективное мнение, основанное на выборочной подборке строго ограниченного материала из строго определенного перечня периодических журналов или монографий.

Оговорюсь, статистические матрицы, полученные в ходе этой работы, – не самоцель и даже не костяк методологии. Они выступают качественным расширением эмпирической базы для последующего феноменологического дискурс-анализа с элементами герменевтики – классическим для XX в. набором философского инструментария, по крайней мере, начиная с работ Б. Рассела и Х.-Г. Гадамера.

В-третьих, власть в цивилизационном пространстве русской цивилизации обязана проявлять себя в некоторых ясных опредмеченных формах. Историки фиксируют эту форму в диапазоне от живописи до архитектуры. Более того, даже при отсутствии текста как такового, в форме текста может выступать икона или архитектурные ансамбли, как это прекрасно показал У. Эко в своем «Имени Розы» или М. Фуко в истории дисциплинарной власти. Выявлению именно таких, но сугубо русских форм власти и должен быть посвящен третий этап.

В-четвертых, любая цивилизационная реальность власти покоится на мифах. Вне сферы мифов, ни власти, ни цивилизации быть не может. Но каковы мифы русской власти? В чем своеобразие глубин народного восприятия и передаваемого из поколения в поколения мифа о власти в русском мире? Серьезное исследование мифообразования, мифотворчества и мифоконструктов, анализ лжемифов и имитации мифов позволит выйти на корневые смыслы власти и тем самым усилить результаты первых четырех этапов исследования.

В-пятых, вышеуказанные этапы исследования дают возможность обоснованно заявить о символах и знаках русской власти. Не подменяя реальность власти реальностью государства, а символичность – символикой. При этом под анализ попадет и современный

этап русской истории власти, что позволит проверить на объемном эмпирическом материале многие гипотезы и постулаты, сформированные на основе объективно ограниченной эмпирики истории власти предыдущих эпох.

Таким образом, исследование русской власти должно быть начато с символов-слов, а окончено вполне конкретными знаками из современной русской власти. В начале исследования определяются образы, а на завершающем этапе – смыслы власти. Данный подход позволит сформировать замкнутое,

циклическое пространство исследования, которое в стратегическом смысле предлагается считать введением в «Философию русской власти», а в тактическом частью широкой коллективной исследовательской программы «Смысловые коды в пространстве Русской цивилизации», совершенно необходимой в ситуации трансформации ценностного мира современной России². Таковы пять ключевых методологических перспектив, покоящихся на двух постулатах исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет именно о «власти», а не о «государстве», «политике», «силе» и т.п.

² Вероятно, речь должна идти о федеральной программе, создании группы исследователей при авторитетной академической организации или организации тематического научного журнала. Однозначно, что в полном объеме проблема не сможет быть преодолена усилиями одного или двух исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новиковой, Е. Кривцовой, Т. Велимеева. М.: АСТ, 2005. 603 с.
- Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / пер. с англ. Е.А. Нарочницкая, Ю.Н. Кобыakov. М.: Междунар. отношения, 2005. 288 с.
- Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. 444 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2005. 588 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 247 с.
- Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 15.08.2017).
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Каплуна. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
- Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Практис, 2001. 256 с.
- Merino J.P.P. y M. Definición de poder. URL: <http://definicion.de/poder/> (дата обращения: 15.08.2017).
- Poder // Diccionario de la lengua española. URL: <http://dle.rae.es/?id=TU1KCfY%7CTU2nLT0> (дата обращения: 15.08.2017).
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «лингвистические аргументы» // Politbook. 2016. № 2. С. 26–39.
- Шабанова А.А. Лингвистический анализ концепта «власть»/«power» // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 144–147.
- Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть» / «power» в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. 159 с.
- Федье Ф. Власть / пер. с фр. В.В. Бибикина // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье В. Воображаемое. Власть. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 93–136.
- Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
- ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М.: УРСС, 2015. 352 с.
- Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: АСТ, 2014. 574 с.
- Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. 328 с.
- Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания / пер. с фр. А.В. Матешук, В.П. Гайдамак. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
- Исаев М.В. Política Hermetica: скрытые аспекты власти. М.: Юрист, 2003. 413 с.
- Соловьева С.В. Феномены власти в бытии человека: дис. ... д-ра философ. наук. Самара, 2011. 341 с.
- Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. М.: ОСЬ-89, 2002. 448 с.
- Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира: на материале художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 25 с.
- Балаклеев Н.А. Онтологические аспекты монархической власти (на материале романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом») // Филология: научные исследования. 2015. № 2. С. 138–147.
- Кипенко М.В. Аксиологический аспект концепта власть в современном русском языковом сознании: на материале газетных текстов первого десятилетия XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2012. 171 с.
- Сенокосов Ю.П. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 184 с.
- Федяй И.В. Проблема власти в истории русской философии (конец XIX – начало XX вв.). Бишкек: КРСУ, 2005. 254 с.
- Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное». К.: Издатель ПАРАПАН, 2007. 412 с.
- Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФРАН, 1997. 234 с.
- Королев С.А. Микросоциумы в российском пространстве власти // Философия и культура. 2011. № 6. С. 55–64.
- Королев С.А. Микроструктуры в российском пространстве власти: архетипы и механизмы функционирования // ВВ: Философские исследования. 2013. № 5. С. 103–165.
- Кожев А. Понятие власти / пер. с фр. А.М. Руткевич. М.: Практис, 2006. 192 с.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–548.
- Дополнительный список членов РФО (уплативших взносы за 2016 г. в IV квартале 2016 г.) // Вестник Российского философского общества. 2016. № 4. С. 155–165.

38. Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. История и математика: макроисторическая динамика общества и государства. М. : КомКнига, 2007. 184 с.
39. Гарскова И.М. Квантитативная история и историческая информатика : эволюция взаимодействия // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 77–92.
40. Шевченко О.К. Квантирование власти как базис создания теории управленческих решений // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Владивосток, 7–8 декабря 2016 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток : Дальневост. федеральный ун-т, 2016. С. 308–310.
41. Шевченко О.К. К вопросу о базовых параметрах квантированной историографии ялтинской конференции 1991–2014 гг. // Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 81–88.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 августа 2018 г.

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF THE STUDY OF THE CONCEPT “POWER” IN THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 75–83.

DOI: 10.17223/15617793/435/10

Oleg K. Shevchenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

Keywords: Russian civilizational space; power philosophy; epistemology; semantic analysis; discourse analysis.

The article concerns the formulation of the key stratagem studies of the “Russian power” phenomenon. The methodological foundations typical of Russian researchers who deal with the problem of the philosophy of power in the history of Russian civilization are studied. Also, foreign classical works on the phenomenon of power in various civilizations have been analyzed. Particular attention is paid to the linguistic analysis of the concept “power” in English, Spanish and Russian. The tradition of studying the “power in Russian philosophy” phenomenon is traced. The text “Power” written by the well-known French author F. Fedier has been taken as a methodological example. The conclusion of the first part of the study is as follows: the concept “power” is insufficiently developed in Russian philosophy. Paradoxically, in the history of Russian philosophy, the overall and systematic philosophical comprehension of the concept “power” was produced only once, by the Russian philosopher-emigrant in the French language in 1942. As a consequence, the narrower concept “Russian power” seems to be a weak and less functional term. Formulated are the five stages of the research program allowing to overcome the negative conclusion: (1) the conceptual analysis of the “power” concept in encyclopedic publications, texts of classical Russian literature, modern journalism and social networks; (2) the analysis of the state of modern Russian philosophy. For this purpose, it has been proposed to use the method of statistical regularities of certain concepts. It refers to quantifying Russian philosophical texts about power; (3) the study of manifestations of power in clear, objectified forms: from painting to architecture; (4) the study of myth-formation and myth-construction, the analysis of false myths and imitations of myths. This will allow us to reach the root meanings of power and thereby strengthen the results of the first four stages of the study; (5) the above-mentioned stages of the research will make it possible to substantiate the symbols and signs of Russian power. Thus, the study of Russian power starts with word-symbols and ends with quite specific signs of the modern Russian power structure. Images are identified at the beginning of the study, and the meanings of power are formulated at the final stage. This approach allows forming a closed and cyclical space of research, which is proposed to be considered strategically as an introduction to the “Philosophy of Russian Power”, and tactically merge into a broad research program “Semantic Codes in the Space of Russian Civilization”.

REFERENCES

1. Huntington, S. (2005) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Translated from English by Yu. Novikova, E. Krivtsova, T. Velimeev. Moscow: AST.
2. Bzhezinskiy, Z. (2005) *Vybor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo* [Choice. Global domination or global leadership]. Translated from English by E.A. Narochnitskaya, Yu.N. Kobaykov. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
3. Buchanan, P.J. (2004) *Smert' Zapada* [Death of the West]. Translated from English A. Bashkirova. Moscow: AST.
4. Fukuyama, F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST.
5. Danilevskiy, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.
6. Sultanov, K.V. (2001) *Sotsial'naya filosofiya N.Ya. Danilevskogo: konflikt interpretatsiy* [Social philosophy N.Ya. Danilevsky: a conflict of interpretations]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Russian Federation. (2016) *Presidential Decree No. 640 of November 30, 2016 “On Approving the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation”*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>. (Accessed: 15.08.2017). (In Russian).
8. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Kaplun. Moscow: Ad Marginem.
9. Luhmann, N. (2001) *Vlast' [Power]*. Translated from German by A. Antonovskiy. Moscow: Praxis.
10. Porto, J.P. & Merino, M. (2012) *Definición de poder* [Definition of “power”]. [Online] Available from: <http://definicion.de/poder/>. (Accessed: 15.08.2017).
11. Poder // Diccionario de la lengua española. [Online] Available from: <http://dle.rae.es/?id=TU1KCfY%7CTU2nLT0>. (Accessed: 15.08.2017).
12. Ledyayev, V.G. & Ledyayeva, O.M. (2016) Conceptual analysis of power and “linguistic arguments”. *PolitBook*. 2. pp. 26–39. (In Russian).
13. Shabanova, A.A. (2011) [Linguistic analysis of the concept “power”]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* [Topical problems of philological sciences]. Proceedings of the International Conference. Chita. November 2011. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 144–147. (In Russian).
14. Shabanova, A.A. (2012) *Reprezentatsiya kontsepta “vlast'” / “power” v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Representation of the concept “power” in American and Russian linguistic cultures]. Philology Cand. Dis. Ulyanovsk.
15. Fedier, F. (2002) *Vlast' [Power]*. Translated from French by V.V. Bibikhin. In: Vezin, F. & Fedier, F. *Filosofiya frantsuzskaya i filosofiya nemetskaya. Voobrazaemoe. Vlast' [French and German philosophy. The Imaginary. Power]*. Moscow: Editorial URSS.
16. Foucault, M. (2007) *Psixhiatricheskaya vlast': kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power: a course of lectures given at the College de France in the 1973–1974 academic year]. Translated from French by A.V. Shestakov. St. Petersburg: Nauka.
17. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures given at the Collège de France in the 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.

18. Dijk, T.A. van. (2015) *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: the representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow: URSS.
19. Canetti, E. (2014) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Translated from German by L.G. Ionin. Moscow: AST.
20. Mshvenieradze, V.V. (ed.) (1989) *Vlast': Ocherki sovremennoy politicheskoy filosofii Zapada* [Power: Essays on the modern political philosophy of the West]. Moscow: Nauka.
21. Jouvenel, B. de. (2011) *Vlast'. Estestvennaya istoriya ee vozniknoveniya* [On power. Its nature and the history of its growth]. Translated from French by A.V. Matishuk, V.P. Gaydamak. Moscow: IRISEN, Mysl'.
22. Ledyayev, V.G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
23. Isaev, M.V. (2003) *Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica Hermetica: hidden aspects of power]. Moscow: Yurist.
24. Solov'eva, S.V. (2011) *Fenomeny vlasti v bytii cheloveka* [The phenomena of power in the being of man]. Philosophy Dr. Dis. Samara.
25. Khalipov, V.F. (2002) *Nauka o vlasti. Kratologiya* [The science of power. Cratology]. Moscow: OS'-89.
26. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovaniye i razvitiye kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira: na materiale khudozhestvennykh tekстов* [Functioning and development of concepts of freedom, power and challenge in the Russian language picture of the world: on the material of literary texts]. Abstract of Philology Cand. Dis. Rostov-on-Don.
27. Balakleets, N.A. (2015) Ontological Aspects of Monarch's Power (the Study of Ivan Lazhechnikov Novel 'The House of Ice'). *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2. pp. 138–147. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0749.2015.2.15475
28. Kipenko, M.V. (2012) *Aksiologicheskiy aspekt kontsepta vlast' v sovremennoy russkoy yazykovoy soznanii: na materiale gazetnykh tekстов pervogo desyatiletiya XXI veka* [Axiological aspect of the concept of power in the modern Russian language consciousness: on the material of newspaper texts of the first decade of the 21st century]. Philology Cand. Dis. Tolyatti.
29. Senokosov, Yu.P. (2005) *Vlast' kak problema. Opyt filosofskogo rassmotreniya* [Power as a problem. The experience of philosophical consideration]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
30. Fedyay, I.V. (2005) *Problema vlasti v istorii russkoy filosofii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The problem of power in the history of Russian philosophy (late 19th – early 20th centuries)]. Bishkek: KRSU.
31. Savel'eva, M.Yu. (2007) *Monarkhiya kak forma samoopredeleniya lichnosti. Rossiyskiy opyt stanovleniya fenomena "sakral'noe"* [Monarchy as a form of self-identity. Russian experience of the "sacred" phenomenon]. Kyiv: Izdatel' PARAPAN.
32. Korolev, S.A. (1997) *Beskonechnoe prostranstvo: geo- i sotsiograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo- and sociographic images of power in Russia]. Moscow: IPh RAS.
33. Korolev, S.A. (2011) *Mikrosotsiumy v rossiyskom prostranstve vlasti* [Microsocieties in the Russian space of power]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 6. pp. 55–64.
34. Korolev, S.A. (2013) *Mikrostruktury v rossiyskom prostranstve vlasti: arkhetyipy i mekhanizmy funktsionirovaniya* [Microstructures in the Russian space of power: archetypes and mechanisms of functioning]. *NB: Filosofskie issledovaniya*. 5. pp. 103–165. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.5.546
35. Kojève, A. (2006) *Ponyatie vlasti* [The notion of authority]. Translated from French by A.M. Rutkevich. Moscow: Praksis.
36. Solov'ev, V.S. (1988) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 47–548.
37. Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. (2016) *Dopolnitel'nyy spisok chlenov RFO (uplativshikh взносы за 2016 г. в IV квартале 2016 г.)* [Additional list of members of the RPhS (paid contributions for 2016 in the fourth quarter of 2016)]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*. 4. pp. 155–165.
38. Malkov, S.Yu., Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2007) *Istoriya i matematika: makroistoricheskaya dinamika obshchestva i gosudarstva* [History and Mathematics: the macrohistorical dynamics of society and the state]. Moscow: KomKniga.
39. Garskova, I.M. (2011) *Kvantitativnaya istoriya i istoricheskaya informatika: evolyutsiya vzaimodeystviya* [Quantitative history and historical informatics: evolution of interaction]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*. 1. pp. 77–92.
40. Shevchenko, O.K. (2016) [Quantization of power as the basis for creating a theory of management decisions]. *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR* [Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific Region]. Proceedings of the 2nd International Conference. Vladivostok. 7–8 December 2016. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 308–310.
41. Shevchenko, O.K. (2015) On Basic Criteria of Yalta Conference Quanted Historiography 1991-2014. *Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 81–88. (In Russian).

Received: 27 August 2018